

Это уже за гранью безумия. Мало того что при жизни приходится вкалывать, так еще и после смерти этот проклятый системный механизм загребает тебя в рабство.

Разве на мертвецов не распространяется трудовое право?

Нельзя же так попирать свободу трупа только потому, что покойника нельзя убить дважды!

Сун Жуйчжи в пятый раз открыл кран. Он старательно вспенил жидкое мыло, прошелся по каждой фаланге и принялся за тщательное мытье рук в пятый раз.

546 с досадой напомнил: — Господин Сун, вы слишком долго засиделись в туалете. Если не выйдете сейчас, операцию не закончат вовремя.

Сун Жуйчжи ополоснул руки, вытер их бумажным полотенцем и невозмутимо ответил: — Чего суетиться? На операционном столе не ты лежишь, никто не умрет.

Он приподнял бровь, глядя на свое отражение, и промакнул остатки влаги одноразовой салфеткой. У этого тела были великолепные руки — широкие, сильные ладони, тонкие и ловкие пальцы. Воистину, руки настоящего хирурга.

Сун Жуйчжи любовался лицом хозяина тела, покорчил рожицы перед зеркалом и совершенно не спешил.

— К тому же, уясни: я юрист. Всю жизнь врачи орудовали скальпелями на мне, откуда мне знать, как это делается?

Раздался механический голос: — Господину Сун не стоит беспокоиться о медицинских навыках. Я активирую мышечную память этого тела, и вы сможете продолжить операцию.

— Память?

— Именно. Хотя душа Лю Вэня покинула тело, его медицинские знания и отточенное мастерство остались в этой плоти, — добавил он и предупредил: — Разумеется, некоторые моменты операции могут выглядеть слишком кроваво. Если пожелаете, я могу заблокировать визуализацию.

— Ты даже зрение можешь отключать? — Он открыл дверь туалета, и дежурная медсестра тут же натянула на него стерильные перчатки и шапочку.

— Да, чтобы носителю было комфортнее адаптироваться, на начальном этапе заданий предусмотрена цензура в виде пикселизации.

Довольно заботливо.

Нынешнее тело Сун Жуйчжи принадлежало Лю Вэню, лечащему врачу отделения кардиологии Первой больницы. Он с таким трудом дослужился до должности заведующего, но в личной жизни совершил роковую ошибку и погубил себя.

В студенческие годы он начал встречаться с пианистом Ли Сюнем. Хотя тот назывался пианистом, музыкального таланта в нем не было ни на грош, да и к тридцати годам он так и не нашел нормальной работы.

Целыми днями он сидел дома, снимал короткие ролики и вел стримы, пытаясь стать инфлюенсером, но дохода это не приносило.

Лю Вэнь пахал в больнице как проклятый, чтобы прокормить семью, а возвращаясь домой, еще и прислуживал Ли Сюню.

Даже при таком раскладе Ли Сюнь редко навещал его в больнице, а когда наконец соизволил прийти, то начал строить глазки новому врачу Ван Цзяню и закрутил с ним роман.

Лю Вэнь был человеком прямолинейным и, выбрав одного партнера, рассчитывал прожить с ним всю жизнь. Родители наконец смирились с тем, что он встречается с женщиной, но в одночасье он оказался рогоносцем.

Не успел Лю Вэнь оправиться от измены Ли Сюня, как во время операции произошла врачебная ошибка. В ходе кардиохирургического вмешательства пациент начал терять много крови из-за оплошности Ван Цзяня и скончался, несмотря на все усилия реаниматологов.

Это была вина Ван Цзяня, но ради карьеры он выставил всё так, будто ошибку допустил Лю Вэнь.

Родственники пациента подняли шум, история попала в заголовки местных газет. Объяснения Лю Вэня никто не слушал, а Ван Цзянь подкупил всех присутствовавших в операционной, чтобы они подтвердили его версию.

Лю Вэню негде было искать справедливости. В этот момент Ли Сюнь, желая выслужиться перед Ван Цзянем, выдал ему домашний адрес Лю Вэня.

Разъяренные родственники и равнодушные граждане выломали дверь и избили его до полусмерти. Но самым страшным было другое: когда толпа ушла, Лю Вэнь, лежа в луже крови, умолял Ли Сюня о помощи, а тот на глазах у Ван Цзяня собственноручно раздробил ему руки стулом.

Под предлогом того, что это восстановит справедливость для погибшего на операционном столе пациента.

За один день Лю Вэнь лишился любви и рук.

Для хирурга руки — его жизнь. Лишившись того, чем он так гордился, он начал увядать.

Потеряв руки и карьеру, Лю Вэнь постепенно поверил, что человек умер именно из-за его ошибки.

Если лгать каждый день, даже невиновный начнет сомневаться в себе.

Иначе почему все вокруг твердят, что это его вина?

Полгода он провел в полубезумном состоянии, а в одну из глубоких ночей, когда родители спали, поднялся на крышу тридцатиэтажного здания и шагнул вниз.

Жизнь Лю Вэня была пронизана ложью и предательством. Изучив его судьбу, Сун Жуйчжи не испытывал к Ли Сюню ничего, кроме отвращения. На этого подонка было противно даже смотреть, не то что пытаться завоевать его симпатию.

Надев стерильный халат, он вышел из комнаты и увидел в коридоре Ван Цзяня.

Тот тоже переоделся и, увидев Лю Вэня, театрально хлопнул в ладоши: — Ого! Доктор Лю, вам так идет эта форма!

Сун Жуйчжи скользнул взглядом по его полукровному лицу. Такую дешевую актерскую игру мог не заметить только прежний хозяин тела.

Перед искушенным адвокатом этот парень был сущим ребенком.

Сун Жуйчжи придал лицу нужное выражение, подошел к нему и, слегка улыбнувшись, произнес: — Доктор Ван шутит. Скоро начало операции, давайте пройдем.

Ван Цзянь пожал плечами: — Окей, пойдем посмотрим на этого беднягу, которому предстоит вскрытие грудной клетки.

Операция была сложной и длилась целых шесть часов.

546 управлял руками, Сун Жуйчжи лишь наблюдал.

Глядя, как он потрошит пациента, Сун Жуйчжи от скуки четыре часа пересчитывал капилляры, чтобы убить время.

Операция завершилась успешно. Ассистировавшая медсестра похвалила его: — Благодаря доктору Лю всё прошло замечательно.

Сун Жуйчжи улынулся ей, про себя подумав: мать вашу, я здесь пять-шесть часов простоял, чуть ноги не отвалились.

546, зафиксировав нормальный пульс и температуру, напомнил: — Господин Сун, если почувствуете недомогание, сообщите мне, яотрегулирую состояние организма.

— Недомогание? Нет. Просто захотелось маосюэван, — он посмотрел на свои перчатки. — Как раз всё такое кровавое, в тон.

546: ...

Операцию завершили, остальное было делом медсестер. Сун Жуйчжи хотел уединиться, но кое-кто оказался слишком назойлив.

Ван Цзянь снял халат и сказал: — Уандерфул! Неудивительно, что главврач хочет сделать вас заведующим. Братец Лю, техника просто высший класс.

Сун Жуйчжи выслушал этот ядовитый комплимент и, глядя на свои окровавленные перчатки, небрежно бросил: — Ван Цзянь, ты знаешь, почему на тебя так часто жалуются пациенты?

— Я же просил называть меня Феликсом, братец Лю, почему ты никак не запомнишь?

— Хорошо, Феликс, — Сун Жуйчжи любезно сменил тон. — Прошу тебя, в следующий раз не мешай китайский с английским. Когда пациенты будут тебя проклинать, это создаст много проблем. К тому же, мне кажется, китайский выразительнее английского. Например, если я назову тебя подонком, это будет куда красноречивее, чем сказать «киллер», ведь китайский язык глубок и богат. А за твою «птичью речь» можно и по лицу получить.

Ван Цзянь опешил и вытаращил глаза, не зная, что ответить.

Сун Жуйчжи, боясь, что тот задохнется от злости, великодушно добавил: — Ой, я шучу. Я думал, все, кто учился за границей, как доктор Ван, обладают отличным чувством юмора.

Он бросил окровавленный халат в корзину и, не оглядываясь, ушел.

546: — Господин Сун, Лю Вэнь никогда бы так не поступил. Вы не должны выходить из образа.

— Но я ненавижу подонков.

— Попробуйте потерпеть.

— Не могу. Не собираюсь терпеть подобное унижение.

546: ...

546 был вынужден напомнить: — Господин Сун, ваши действия противоречат характеру Лю Вэня. Вы не должны давать повод усомниться в том, что вы — это он. Последствия могут быть серьезными.

— Не бойся, детка, он ни за что не заподозрит подвоха. — Сун Жуйчжи нашел на столе ключи от старого Мерседеса. — Сейчас ему стоит задуматься, почему Лю Вэнь вдруг так себя повел. Разве он не крутился вокруг меня только для того, чтобы наслаждаться тем, как я пребываю в неведении? Теперь, когда я изменил поведение, пришла его очередь побыть дураком.

Как только наступило время ухода, Сун Жуйчжи сорвался с места. Он изучил график Лю Вэня: тот три дня не вылезал из операционной, а после сегодняшнего дня у него было два выходных.

Сун Жуйчжи завел старый Мерседес и по навигатору доехал до дома Лю Вэня.

Квартира находилась в старом жилом комплексе, площадью всего девятью с лишним метров. Она досталась Лю Вэню от родителей, а теперь в ней вольготно жил Ли Сюнь.

Сун Жуйчжи нашел номер квартиры, поправил очки и, придав лицу выражение меланхоличной интеллигентности, постучал.

Тук-тук-тук.

Тишина.

Он набрался терпения и постучал еще два раза — безрезультатно.

— 546, мне кажется, он хочет, чтобы его убили.

— Господин Сун, сохраняйте спокойствие. Смерть объекта приведет к провалу задания.

Наконец, после четвертого раза дверь открылась. На пороге стоял Ли Сюнь в широких шортах и наушниках.

У Ли Сюня было женственное лицо, а прическа из «химических» кудряшек вполне соответствовала его натуре мерзавца.

— Ключи не взял? Стучишь полдня, сбил мне весь настрой, я только мелодию придумал.

Сун Жуйчжи улыбнулся: — Прости, утром торопился, ключи остались в прихожей.

— Вечно ты всё забываешь. И как ты только работаешь врачом? — Он даже не взглянул на Сун Жуйчжи и прошел в кабинет к пианино.

Сун Жуйчжи смотрел на его руки, лежащие на клавишах, и усмехнулся. И правда, руки музыканта и руки хирурга одинаково хороши.

Интересно, если раздробить руки Ли Сюня, будет ли он страдать так же, как Лю Вэнь?

— 546, ты сказал, что мне нужно получить очки раскаяния, верно?

Механический голос отозвался: — Да. На данный момент симпатия Ли Сюня к вам составляет 45 единиц, а раскаяние — 0.

— 45? Даже до проходного балла не дотягивает. Лю Вэнь, ну ты и вляпался в любовь.

Из кабинета донеслись не самые приятные звуки пианино и приказ Ли Сюня: — Я голоден, готовь есть!

Сун Жуйчжи вздохнул: — А Сюнь, сегодня закажем доставку. Я заказал твою любимую утку по-восемь.

— Делай что хочешь.

— Как думаешь, сколько очков раскаяния я получу, если раздроблю ему руки? — спросил он, заказывая еду.

Сун Жуйчжи за двадцать с лишним лет ни разу не готовил сам. Если бы он сделал это для такого подонка, то обязательно добавил бы туда «приправу».

— Не советую так поступать. Основываясь на успешном опыте большинства носителей, рекомендую влюбить Ли Сюня в себя, а затем через эмоциональную травму вытянуть из него очки раскаяния.

Сун Жуйчжи не поверил своим ушам: — Ты хочешь, чтобы я его соблазнил, заставил влюбиться, а потом мы устроили драму «я люблю тебя, а ты меня нет»?

546 немного сбился с толку, но ответил: — Это самый надежный и часто используемый метод.

— О, это лучший способ довести Лю Вэня до белого каления.

— Если нужны очки раскаяния, нужно просто заставить его раскаяться. Мужчины не всегда каются только из-за любви. Галлюцинации, вызванные адреналином и дофамином, не идут ни в какое сравнение с настоящей болью.

Ли Сюнь просидел в кабинете, заигрывая с фанатами, больше часа, прежде чем выйти.

Сун Жуйчжи выложил утку на тарелку и спросил 546: — Есть что-то вроде снотворного?

— В моем хранилище есть карта «Глубокий сон», время действия — десять часов, стоит всего десять баллов. У вас на счету сто сорок пять баллов. Сто — стартовый бонус системы, сорок пять — симпатия Ли Сюня.

Еще ничего не сделал, а баллы уже есть. Неплохо для новичка.

— Обменяй карту сна и используй её на Ли Сюне после еды.

— Хорошо.

Он поставил утку на стол. Ли Сюнь, едва попробовав, похвалил аромат, а затем положил ему в миску утиную ножку.

Сун Жуйчжи смотрел на эту ножку с еще более нежной улыбкой. То, что к еде прикасались его руки, вызывало лишь отвращение.

Поев, Ли Сюнь принял душ, лег в кровать и спустя три минуты уже спал как убитый.

Сун Жуйчжи смотрел на его длинные пальцы, раздумывая, как именно их искалечить.

— Спокойной ночи, приятных снов.

546 увидел, что он надевает куртку, и спросил: — Ты уходишь?

— Я же говорил, что хочу маосюэван. Если не съем сегодня, завтра у меня уже не будет настроения. — Он поправил прическу перед зеркалом.

Оболочка Лю Вэня была весьма недурна. Золотистая оправа очков придавала ему вид аскета. Просто сам Лю Вэнь никогда не проявлял эмоций, поэтому это лицо казалось безжизненным.

Сун Жуйчжи приподнял бровь, и от него повеяло порочной утонченностью.

— Красавец, — тихо сказал он отражению.

— Пошли, детка, будем наслаждаться свободой.

Как убить человека?

Острым клинком или слезами?

Вопрос сложный. Я не успел найти ответ, как прыгнул с крыши.

Мой парень, который раздробил стулом мои руки — самое ценное, что было у хирурга, — всё еще прекрасно живет. Его руки будут порхать над черно-белыми клавишами даже после моей смерти.

Чьи руки ценнее: пианиста или хирурга?

В небытии, сидя на том самом окровавленном стуле, я услышал шепот из бездны. Кто не захочет отомстить за свою смерть?

Мои руки дрожат. Не от боли, а от жажды мести.

Я отдам свое тело в аренду, чтобы свершить возмездие.

Перед лицом ненависти даже сделка с дьяволом пахнет заманчиво.

Так чьи руки ценнее: пианиста или хирурга?